

В Запретном городе шел сильный снег. Инью съезжился во флигеле и не хотел выходить. Хотя евнухи каждый день убирали снег во дворце, для трехлетнего ребенка скользкая земля была слишком тяжелым испытанием, вдобавок к этому снаружи дул холодный пронизывающий ветер... Инью не хотел испытывать такие трудности.

В гареме не было императрицы, и братьям не нужно было каждый день рано вставать, чтобы поприветствовать ее. Кроме того, его Э-Нян была расстроена тем, что Инью был слишком мал, но жил один в Южном третьем зале, и не хотела, чтобы он метался туда-сюда каждый день, поэтому Инью уже два дня не выходил из дома.

Вспомнив, что завтра вечером состоится новогодний банкет, Инью не знал, хочет ли наложница Чэн что-нибудь сказать, поэтому ему пришлось попросить свою служанку Юнчжу одеть его, а затем Фу До сопроводил его во дворец Юнхэ, чтобы поприветствовать ее.

Когда он добрался до дворца Юнхэ, наложница Чэн шила кожаный воротник. Судя по размеру, она шила его для него. На сердце у него потеплело, он шагнул вперед и поклонился в знак приветствия. Поговорив некоторое время с наложницей Чэн, перед уходом он взял предложенную ею грелку для рук.

После того, как они покинули дворец Юнхэ, на земле уже лежал слой снега. Фу До раскрыл зонт и сказал Инью: «Седьмой агэ, этот слуга понесет тебя».

Инью одной рукой поднял свой воротник: «В этом нет необходимости».

Ребенок старше трех лет, был ли он мал или нет, если бы его все еще держал евнух, когда вести о его поведении достигнут ушей Хуан Амы, кто знает, что подумает о нем этот император на протяжении веков [1]?

[1] 千百年 qiān gǔ yī wàn nián. Ли Чжи прокомментировал Ин Чжэна в «Собрании книг»: «Первый император был императором на протяжении веков». Предполагаю, что это что-то вроде «мужчина среди мужчин», «лучший» и т.д.

Ступая по скрипучему снегу, Инью озирался по сторонам блестящими глазами и шел очень уверенно, шаг за шагом.

По пути встречались дворцовые евнухи, и хотя их отношение к Инью не было благоговейным, оно было уважительным. Инью также позаботился о должном поведении: не поднимай шума, но и никогда не понижай свой статус.

Проходя через засохший пруд с лотосами, он услышал слабый детский плач.

Остановившись, Инью посмотрел на горку рядом с прудом с лотосами и велел: «Фу До, сходи проверь». Среди детей в этом дворце, которые осмеливались плакать в таком месте, кроме

братьев, были еще и принцессы.

«Ничтожный слуга приветствует восьмого агэ», - сказал Фу До после того, как отправился выяснить, кто стоял за каменной декоративной горкой. Инью, который собирался сделать шаг вперед, немедленно остановился. Он, естественно, знал, что случилось с восьмым братом в истории. Даже если Иньсы [2] в данный момент все еще просто ребенок, он не хотел слишком сильно вмешиваться.

[2] 二子 Yinsi. Восьмой сын Канси. Он был самым сильным претендентом на трон Канси, но с треском провалился.

«Э-Нян... Э-Нян», - плач Иньсы был очень тихим, но трехлетний ребенок уже знал, что о подобных вещах не может быть известно большому количеству людей. Инью взглянул на евнуха, который поспешно приближался издалека, вздохнул и направился к каменной горке.

Там он увидел ребенка с красным лицом, жалобно лежащего на земле и плачущего, покрытого большим количеством снега. Увидев это, у Инью не было другого выбора, кроме как протянуть грелку для рук, которую держал в руке, Фу До, стоявшему сбоку. Потом он наклонился, с трудом поднял Иньсы с земли и принялся отряхивать его одежду от снега. Когда он прикоснулся к нему, то обнаружил, что одежда Иньсы промокла насквозь, а его руки были ледяными.

Инью нахмурился, и когда он услышал, что шаги становятся все ближе и ближе, он прикрыл рот Иньсы, который все еще звал свою Э-Нян, и утешил его: «Восьмой брат, Хуэй Э-Нян во дворце, не плачь, я отведу тебя к Хуэй Э-Нян. Пошли».

Рот Иньсы был прикрыт Инью, и он мог только всхлипывать, больше не спрашивая о своей матери, просто глядя на этого странного мальчика своими большими красными глазами, из которых все еще капали слезы. Его вид был очень жалким. Инью достал из кармана носовой платок, вытер лицо Иньсы и замолчал.

В этот момент няня подвела евнуха и дворцовую служанку. Увидев, что Инью тоже здесь, она поспешно поклонилась: «Ничтожная служанка приветствует седьмого агэ. Оказывается, восьмой агэ был рядом с седьмым агэ, ничтожная служанка может быть спокойна».

Инью отпустил Иньсы, отряхнул его одежду от снега, который прилип, когда он только что присел на корточки, и улыбнулся старой нянюшке: «Восьмой брат продолжает требовать встречи с Хуэй Э-Нян. К счастью, вы здесь, иначе я бы не знал, что делать. Теперь, когда вы нашли восьмого брата, я могу вернуться».

Родная мать Иньсы не обладала высоким статусом, поэтому он воспитывался наложницей Хуэй. Ему повезло не так сильно, как четвертому брату. Наложница Хуэй была беременна старшим сыном. Естественно, она не могла относиться к Иньсы так же искренне, как наложница Тун Цзя относилась к Иньчжэню. Во дворце слугам было ясно, кто занимает высокое положение, а кто - низкое. Видя, что наложница Хуэй не заботится о восьмом агэ, они, естественно, тоже

пренебрегали им. Иначе, почему восьмой брат так долго оставался здесь один, прежде чем кто-то нашел его?

Хотя в глубине души Инью сочувствовал этому ребенку, он не стал бы делать ничего, что было бы выше его сил. Он был на год старше Иньсы и не намного выше его ростом. Стоя перед Иньсы, он действительно не обладал большой силой духа, как старший брат. Он взглянул на Иньсы, который вжал голову в плечи и больше не плакал, взял грелку из рук Фу До и передал ему, с улыбкой сказав: «Восьмой брат, седьмой брат уйдет первым».

- Ничтожный слуга с уважением провожает седьмого брата.

После того, как Инью вышел из каменного сада, он направился в направлении Южного третьего зала, не повернув головы. Что же касается этого восьмого брата, то для него это была не более чем мирная встреча. Вручение ему грелки для рук это просто знак любви старшего к ребёнку, и всё.

Видя, что господин не произнес ни слова, Фу До, естественно, не осмелился сказать ничего лишнего, но в глубине души ему это показалось немного удивительным. Отношение юного господина к восьмому брату казалось несколько странным. Может быть, они оба не были слишком близки из-за почти одинакового возраста?

Вернувшись в Южный третий зал, Инью, прежде чем войти внутрь, потопал ногами по земле. Он стряхнул с сапог много снега, поэтому, войдя внутрь, ему стало намного теплее.

- Седьмой брат, где ты был?

Позади него раздался голос Иньчжэня. Инью остановился и обернулся посмотреть. Это действительно был Иньчжэнь, одетый в лисий мех. Он обнял его со словами:

- Брат, я давно тебя не видел.

Иньчжэнь был сбит с толку поступком Инью, но все равно осторожно приобнял малыша, и чувство неудовлетворенности от долгого ожидания тоже исчезло.

- Недавно я слушал лекции учителя из Уичжая. Сегодня Хуан Ама разрешил нам не ходить на занятия в течение следующих нескольких дней.

Подразумевалось, что «я пришёл к тебе, раз мне не нужно было идти в Уичжай».

Как он мог этого не понимать? Иньчжэнь просто хотел показать зависимость ребенка от своего старшего брата. Потершись о нежные щеки Иньчжэня, Инью отпустил его, а затем негромко заговорил, выглядя воспитанным, как хороший ребенок:

- Я просто ходил поприветствовать Э-Нян.

Иньчжэнь посмотрел вниз на промокшие от растаявшего снега сапоги Инью и сказал Фу До, стоявшему сбоку:

- Чего встал столбом? Почему поскорее не подашь своему господину другую пару сапог?

Он отвел Инью в сторону и сел на табурет. Увидев, что Фу До переобувает Инью, он спокойно продолжил:

- Как ты, презренный раб, служишь своему хозяину? Если седьмой брат заболит из-за этого, ты будешь наказан.

Фу До в испуге опустился на колени и не осмеливался заговорить.

- Брат, Фу До - хороший слуга, это я не позволил ему нести меня. - Инью потянул Инчжэня за рукав и сказал Фу До: - Фу До, пойди и покажи иероглифы из моей комнаты четвертому брату.

- Да, да, - Фу До вздохнул с облегчением, понимая, что его хозяин защищает его, и поспешно отступил. Когда он закрывал дверь комнаты, то услышал, как его хозяин что-то сказал четвертому брату.

Иньчжэнь достал из своего кошелька несколько опалов и положил их на стол:

- Седьмой брат, это для тебя.

Инью посмотрел на серьезное лицо Инчжэня, а затем перевел взгляд на несколько опалов перед ним. Внезапно он почувствовал, что где-то в глубине его сознания скребется что-то похожее на кошачью лапку. На мгновение он опешил, а затем улыбнулся:

- Брат, ты много чего мне подарил. Оставь это себе, чтобы ты мог с ними поиграть.

- Все в порядке, мне они не нравятся, поэтому я отдаю их тебе. - Инчжэнь несколько раз взглянул на опалы, прежде чем схватить их со стола и сунуть в руки Инью. - Если тебе что-нибудь понравится в будущем, скажи брату. Если это возможно, я достану это для тебя.

Инью, покраснев, взял в руки горячие опалы. Спустя долгое время он положил опалы в свой поясной мешочек и широко улыбнулся:

- Спасибо, брат, они мне очень нравятся.

После того, как они немного поиграли вдвоем, Фу До принес несколько страниц, исписанных почерком Инью. Иньчжэнь взял их в руки и внимательно просмотрел. Хотя это все еще было ужасно, иероглифы можно было распознать с первого взгляда. Он погладил Инью по голове, как маленького взрослого:

- А ты растёшь, молодец!

Инью старался изобразить радость, но в глубине души ему было стыдно. На самом деле он не очень хорошо умел писать кистью, но Канси, похоже, очень ценил каллиграфию и живопись своих сыновей. Восьмого брата, по-видимому, отругал Канси за его плохую каллиграфию. Подумав об этом, Инью задрожал. В будущем ему придется много практиковаться в каллиграфии и живописи.

Думая об Иньчжэне, которому было всего шесть лет и который умел правильно писать кистью, Инью почувствовал, что тот достоин быть императором. Что касается его самого, то в возрасте шести лет он уже многое знал. В своей прошлой жизни, когда ему было шесть лет, он все еще играл в грязи и издевался над девочками.

В полдень Иньчжэнь остался в Южном третьем зале и поужинал с Инью. После он составил Инью компанию, когда тот в течение часа упражнялся в каллиграфии, прежде чем вместе со своим евнухом отправиться назад.

Иньчжэнь, держащий грелку в руке, отошел на некоторое расстояние от Южного третьего зала, прежде чем прошептать:

- Ты сказал, что седьмой брат встретился сегодня с восьмым братом?

Маленький евнух огляделся и, никого не увидев, понизил голос и ответил:

- Да.

Иньчжэнь посмотрел вниз на грелку для рук, покрытую узорами:

- Каким было его отношение к восьмому брату?

Маленький евнух на некоторое время задумался:

- Ничтожный слуга был немного далеко и не мог слышать, о чем они говорили. Но, глядя на поведение седьмого агэ, кажется, они не слишком близки с восьмым агэ.

Иньчжэнь вспомнил слова Тун Цзя. О брате, который относится к нему с таким же пылом, как и к другим братьям, нет необходимости помнить. Но если этот человек относится по-особому

только к нему, то это означает, что он, возможно, видит в нем одного из своих людей или в действительности полагается лишь на себя.

Иньчжэнь вспомнил, что, когда в тот день Инью встретил Иньжэна возле дворца Юнхэ, отношение Инью к наследному принцу также было отчужденным и вежливым, но позже он, казалось, очень сильно привязался к нему.

Таким образом, Инью действительно зависел от него.

Думая об этом, Иньчжэнь почувствовал, что грелка для рук, которую Инью вложил ему в руку, была очень теплой. Он опустил веки:

- Я понял. В будущем ты будешь проводить больше времени во дворце, не позволяй низшим слугам запугивать его. Пойдём.

Маленький евнух слегка приоткрыл глаза, затем опустил брови и сказал:

- Ничтожный слуга запомнит.

Снежинка упала на грелку, быстро растаяла и исчезла.

<http://bllate.org/book/15126/1336913>